

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

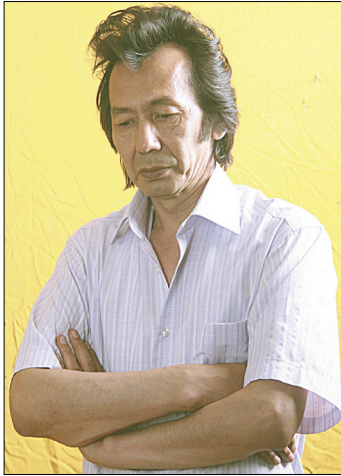

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / *Амазонки нашего аула*

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

ОТВЕРЖЕННЫЙ МИР

Ночь. Пугающая душу своей мглой чёрная ночь. Затихли машины на улице. Не может уgomониться только молодёжь, танцующая под грохочущую музыку в ресторане «Тянь-Шань», да изредка огромную комнату на миг освещает отсвет легковушек, хозяева которых то ли страдают бессонницей, то ли наслаждаются праздником обманчивой жизни.

Вдова академика Саламатина глубоко вздохнула, не от тяжести невесомого пухового атласного одеяла, а от навалившихся мыслей. Повернувшись на правый бок, провела рукой по постели, где раньше лежал муж. Не теплится. Усталое тело её даже под одеялом разом покрылось гусиной кожей, дрожь пошла по нему.

Каждый раз, глядя постель супруга, переполнялась внутри каким-то жгучим чувством, которое занозой задерживалось в сердце.

Желая уловить эти свои ощущения, стала длинными пальцами расчёсывать коротко стриженные волосы: густые, завитые, как шерсть молодого ягненка. Закрыв глаза, погладила лоб полной ладонью, нащупала две углубившиеся морщины. А вот ещё около глаз, в которых угас огонь молодости. Здесь их больше, но они пока ещё слабенькие... А что, если, уподобляясь знаменитым певицам, растянув кожу, сделать пластическую операцию? Кремами-пудрами, увы, ведь уже не обойдёшься.

Все эти глупые думы, конечно, от подавленного настроения. Да разве любитесь кто-то вдовым лицом? Она и сама как будто боится сполна обрести его. Даже за бровями перестала ухаживать. В былые времена, не отрываясь от зеркала, щипцами, согнутыми посередине и чем-то похожими на стрекозу, она выдёргивала волосинки безжалостно, клочками, пока не превращала брови в полумесяцы, предвестники вновь нарождающейся в апреле луны.

— Милая моя, сколько знаю тебя, всё ты выдёргиваешь их. Кончатся брови, что тогда будешь выщипывать? — замечал академик Саламатин, блестя плешью, давно расставшейся с волосами. Затем на его красивом породистом лице заулыбались бы не глаза, а сразу — линзы очков. И смех, охватывая горстью сухопарое тело, долго тряс бы его...

Сорок лет назад, в пору, когда она цвела как тростник, встретила с аспирантом Саламатиним. Слово ошипанных куриц, попавших на торговый прилавок, резал он лежавшие в институтском морге трупы, тут же откладывал окровавленные хирургические инструменты, хватался за бумагу и ручку, что-то мурлыкал себе под нос, чего не понимал не только его руководитель, но и он сам. Трудолюбивое, не от мира сего существо, прижившееся в морге: он приходил сюда первым и уходил последним. Его бледность казалась тут вполне естественной и только украшала его же хуждбу.

А по-настоящему познакомились на вечеринке. Дивная молодость! Целовались возле каждого кустика, у каждого дерева. К весне критическая масса поцелуев обернулась тем, что, завязав на голове белый платок, стала она законной супругой в маленькой квартирке своего возлюбленного, где, кроме постели, пары ложек, чашки и чайника, ничего не было.

Брак единственной дочери с аспирантом-босюком вызвал в доме родителей переполох и возмущение. Отсутствие свата и сваты, кто стал бы совместно с ними клясться в вечной верности, стелил бы под них, под своих дорогих гостей, свежую постель, преподносил им голову барана и его тазовую кость, также огорчило её отца и мать. Покойный отец, хотя и втыкал трость в землю, а ус в небо, со временем, правда, смягчился. В качестве приданого выделил тёмно-красной масти корову. Затем её, мычащую, зарезали для банкета в честь защиты кандидатской диссертации мужа, которой её родители тоже втайне гордились...

Промчалась полицейская машина с красной мигалкой, похожей на петушиный гребень, взбудоражив тишину ночной улицы. Алматы заповлонил ракет. «Наверное, кого-то преследуют», — подумала вдова, очнувшись от воспоминаний...

Интересной была и тема диссертации Саламатина. «Человек — потомок обезьяны». Исследование проводилось на стыке биологии и медицины. Не было никого, кто бы стал опровергать или осуждать ставшую привычной для слуха теорию Дарвина. По аспиранту же, люди и нынешние обезьяны не явля-

ются близкими родственниками. Смыкались лишь дальними корнями. Наши прямые предки — лишь одна из их ветвей. То ли все вымерли, лазая по деревьям, то ли поголовно погибли, сорвавшись с какой-то горы. Саламатин той поры был очень доволен тем, что эти далёкие пращуры, тем не менее, оставили таких вот разумных отпрысков.

— Бред!.. А куда денешь прародителя Адама? Получается, страдания праматери Хауа, зачавшей на льду и родившей, вынашивая девять месяцев, не стоят твоих, питающихся своим помётом, вихляющихся обезьян? — спрашивал отец, от возмущения поперхнувшись собственной слюной. — Все совершенство мира дело рук Аллаха! Задумал поднять руку на творения всемогущего Творца? Праматерь Хауа из ребра Адама... Иногда и я не прочь посоветоваться со своим ребром. Имею в виду, с женой. Да, оказывается, впасть в маразм легко даже учёному...

Остроплечий Саламатин не смел перечить напористым речам тестя. Но его молчание ещё больше распалило душу упрямого старика.

— Ну-ка, расскажи, как произошла жизнь на земле?

— Из невидимых обычному глазу одноклеточных микроорганизмов.

— Тьфу! — Слыша подобные слова от зятя, отец чуть ли не подлетал со стула. Он начинал шарить руками вокруг себя: не найдётся ли чего, чем запустить в греховного зятя-аспиранта, и только хватал руками воздух. — Что ты сказал?

— Одноклеточное...

— Да пропади ты со своей клеткой вместе! Едрит твою... Эй, глупец, ответь мне, как из невидимой глазу козюльки вымахали слоны и динозавры? Что, как в рот воды набрал, челюсти свело, что ли? На, вот, держи ком земли, раз так уверен, и попробуй сделать мне горы!

— Но ведь много миллионов лет шла эволюция...

— Да хоть революция, чёрт бы ее побрал! Ну, подожди твой миллион лет...

— Вот сидел бы, дурью не маясь, — защищала теща. — Совсем уж заморочил голову парню.

— От обезьяны — человек... А может, наоборот: от человека — обезьяна? Это всё же как-то понятнее, — не унимался старик.

— А, возможно, и так, вот чем лучше обезьяны твой ровесник Койшыбай? — не давала ему спуску жена.

— И ты, старуха, туда же, в профессора, на ровном месте! Смотрю, пупки ваши сильно уж привязаны к обезьяне, ну что ж, отдаю ей всех вас скопом... Блаженные!

Глядя на озадаченного мужа, хмуро сидящего на стуле, и наблюдая за перепалкой родителей, она, единственная и избалованная, безудержно начинала смеяться...

Теперь одна, в своей вдовьей постели, снова перевернулась на другой бок. На кончиках несомкну-

тых ресниц появилась влага. Послышались крикливые песни молодёжи, расходившейся после «Тянь-Шаня». Наверное, пьяны, и юноши, и девушки?! И так ежедневно. Снова невольно прислушалась. Оказывается, за слова из песни приняла нецензурную брань. Поливают с головы до ног. Матерятся на казахском и русском вперемежку. Что ж, выровняли оба языка. Вот негодник! Видать, переучился... Визжит и плачет девушка, а парень бранится. Чёрт с ними! Пусть разбираются сами ...

...Перед защитой кандидатской один из научных руководителей Саламатина, прилетевший из Москвы, распорядился: «Любой ценой надо найти живую обезьяну, зарезать её и освежевать по органам, исследовать легкие и печень. От этого будет зависеть заключение». Привёз с собой огромный тесак. Аспирант, и так измотанный суетой, чуть было не потерял сознание на улицах Алматы. Боже, этим тесаком можно порешить и двугорбого верблюда. Но где поймать в это время живую обезьяну?

Вконец издёрганному аспиранту кто-то из товарищей дал совет. Послушавшись, он с утра до вечера болтался у зоопарка. Наконец нашёл совсем состарившуюся, со слезящимися глазами и отвислой челюстью, умирающую гориллу. Вежливо поинтересовавшись, узнал, что цена ей несколько тысяч. А дальше директор, напустив на себя важность, и слушать его не хотел. Едва удалось зазвать в гости. Ублажая национальной кухней, унижаясь, еле-еле, но заполучил доходягу. Погрузив в «Скорую помощь», принесли гориллу в жертву на благо науки. Позже коллеги смеялись над ним.

— Ой-бай! Обезьяна Саламатина, не выдержав мук от потомков, разразилась матом на казахском языке. И вправду оказалась нашим предком!

— Нет-нет, то была не обезьяна, а какой-то спившийся бродяга, — шутил другой.

Смешки смешками, но целеустремлённый сирота вскоре уже приступил к докторской. Видать, московский руководитель вдохновил его!

Хоть первоначально и возмущалась, что не суждено им, мол, отдыхать как людям, но внутренне была не против. Разве не лучше быть женой доктора наук, чем супругой кандидата?!

— А тема твоя опять обезьяна?

— Да. Их высочество обезьяна.

— Пустишь парочку под нож и докторская готова.

— Нет, на этот раз не буду резать. Буду исследовать процесс превращения в человека.

— Дело, считай, в шляпе, — говорит жена пока еще кандидата. — Та горилла была родственницей казахов. Теперь шимпанзе можешь отдать грузинам!

Благодаря обезьяне защитил диссертацию, а благодаря диссертации получил квартиру в самом центре столицы. Повесил на потолок чешскую люстру, под этой же люстрой стал добираться и до защиты докторской. Немного отшлифовав известное положение Фридриха Энгельса, выведенное им по-

путно в ходе поисков призрака коммунизма, пришёл к тому же итогу: «Труд создал из обезьяны человека». Разве может оказаться камень на пути исследователя, если он единомышленник гения? Толще стали линзы его очков, но ухватился-таки он за лакомый кусочек. Высокое положение по мановению руки обернулось цветущей фазендой у подножия гор. И легковая машина небесного цвета тоже как с неба упала... У худосочного Саламатина появилось брюшко, с каждым повышением в должности он всё более валяжно откидывался в уютных креслах.

Слава его разошлась по всему миру. Стали говорить, что сам великий знаток обезьяньего рода Дарвин с того света благословил ученика, портреты которого крупным планом стали печататься на страницах зарубежной прессы...

Время давно перевалило за полночь. Воспоминания, останавливаясь на эпизодах разных лет, стремительно бегут, не давая возможности их зафиксировать. Пропали всё!.. Решив вздремнуть, с головой ушла под одеяло. Но разве уснешь, просто закрыв глаза?! Беспокойные мысли непрерывно лезут и под атласное одеяло.

По улице, пронзительно заголосив, словно жеребец во время гона, промчалась «Скорая помощь». Наверное, вырвав кого-то из пасти смерти, увозит в лоно жизни. До чего же резок этот звук, зараза...

Став академиком, съездил на шесть месяцев в Африку. После этого стал томиться, словно в него вселился сам дьявол. Дьявол, наверное, вообще имеет облик гориллы. Как же не дьявол! — Учёный с мировым именем, не находил себе места ни днем ни ночью. Схватил и выбросил из окна мраморную статуэтку обезьяны, высоко поднимающей на руках человеческое дитя. Собрал все свои толстенные опусы, над каждой страницей которых когда-то корпел, теряя последнее зрение, и съёл все на даче.

— Смотри-ка, даже не горят! Сплошная ложь разве в огне не горит?! Другое дело истина... — бормотал он, подбрасывая в небо пепел: — Отправляю в полёт идеи своей жизни!

Она молча страдала, думая, что муж сошёл с ума.

Позже, на всемирной научной конференции в Рио-де-Жанейро, он выступил с покаянием:

— В составе человеческой крови я обнаружил новый элемент. Его нет не только у обезьян, но и у всех живых организмов на земле. Словом, человек не произошёл от обезьяны. Дарвинизм — ложная ненаучная теория. Ведёт нас по неверному пути...

Это был фурор. Печальный фурор.

Разве могли остаться безразличными лысые академики, получившие за счёт обезьяны массу чинов и регалий? — все они вскочили с мест. Начали шуметь на девятости девяти языках. Рвались к нему на трибуну — взять за грудки.

— Эй, спятивший академик, из какого, потвоему, семени произошёл род человеческий?

— Что за бред здесь несёшь? Да будут прокляты твои старания!

— Пусть уничтожит тебя святость Дарвина и обезьян!

— Где твои грешные доводы!

— Ишь, стоит как ни в чём не бывало. Вышвырните его вон за шиворот!

— Человек привнесён из космоса, — произнёс невозмутимо Саламатин, тыча пальцем в небо. — По-моему, те, кого мы называем гуманоидами, не кто иные, как инопланетяне. Человечество для них лишь орудие опыта. В Солнечной системе, на других планетах и в звёздных скоплениях существуют высококоразвитые и сознательные существа. Мы среди них — самые примитивные. Поэтому-то до сих пор считаем себя потомками обезьян.

— Авторами нашего сознания являются эти чудовищные гуманоиды, да?

— Неслыханная наглость! — Злобные выкрики, казалось, разрушат великолепный зал.

— Именно так. К сожалению, мы и есть неудачный опыт, — ответил учёный, крепко ухватив трибуну обеими руками. — Потому что в наш мозг случайно попал злокачественный комок. Его имя — злодейство! Наши создатели сильно огорчились тому... Дайте мне три-четыре года срока. Докажу своё научное открытие, покажу, как выжженное тавро на шкуре жеребца.

Перепуганные учёные тут же, поставив вопрос на голосование и единогласно проголосовав за резюме: «Все мы — потомки обезьян!» — разбили тем самым в пух и прах зарвавшегося академика.

Сразу по возвращении в Алматы, субъект, потрясший мир, уважаемый учёный, был освобождён от должности директора научно-исследовательского института. Завистники зашептали:

— Дожив до возраста пророка, превратился в бродягу. Ничего не было бы, если б ходил молча.

Запершись в четырёх стенах высоченного дома, сидел и тосковал. Затем, надев на голову тубетейку, взяв в руки трость из слоновой кости, шёл на улицу искать единомышленников. Составив список, собирал подписи. В городе с населением более миллиона человек собрал только семь подписей — никто не осмеливался поднять руку на Дарвина. И отчаялся. А ближе к весне сказал:

— До чего же длинна эта жизнь! Тянется, как тонкая кишка, не заканчивается.

И ушёл, опечаленный, из дома. И пропал, как испарился, без следа. Кто-то утверждал, что видел его на вершине Кок-Тюбе, кто-то убеждал, что заметил, как он, сев на летающую тарелку, взмыл в небеса. Слухов много. Самого нет.

Весной следующего года жена отметила годовщину. На поминки академика, вначале утверждавшего, что мы потомки обезьян, а затем страстно убеждавшего, что все мы — небесные существа, и

тем самым вконец запутавшего этот отверженный мир, народ шел нескончаемым потоком. Многие пришли не от сострадания и тоски, а для того чтобы поблагодарить смерть (если это, конечно, правда) за осуществление давно вынашиваемой ими, но так легко осуществившейся мечты.

...Мало-помалу улеглись горькие мысли, уснула и сама тосковавшая вдова. В этот момент висевший на стене портрет, чудесно оживая, стал превращаться в пропавшего Саламатина. Беззвучно ступая на цыпочках, Саламатин приблизился и, слегка раскрыв атласное одеяло, улёгся рядом с супругой.

— Продрог, — шепнул он.

— Кто ты?

— Небесный посланник, раб Божий, послушник Мухаммеда, покровитель Шадиара...

— А кто мы?

— Вы — никто!

Проснувшись в ужасе от постороннего голоса, вдова заозиралась по сторонам, крепко прижимая к себе подушку. Саламатин, блеснув линзами очков, быстро отступил и, оказавшись у стены, снова растворился в бездушном портрете.

Боже милостивый! — задыхаясь, она бросилась к окну. Нервно одернула шторы... Наступал рассвет. Моросил мелкий дождь. Неужто надолго затянуло?!

1996 г.